

1.4. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

Сидоренко Элина Леонидовна, д-р юрид. наук, доцент. Должность: профессор. Место работы: МГИМО МИД России. Подразделение: кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. E-mail: 12011979@list.ru

Аннотация: Настоящее исследование посвящено оценке института административной преюдиции в точки зрения его соответствия принципам уголовного права и тенденциям развития современной судебной практики.

Заявляя целью статьи комплексную оценку составов преступлений с преюдиционным компонентом, автор решает ряд важных теоретических и практических задач: определяет предметные границы административной преюдиции, характеризует ее юридико-технические модели, изучает сроки привлечения к административной ответственности, оценивает криминологическую, правовую и политическую целесообразность введения рассматриваемого института в УК РФ и формулирует ряд научно обоснованных выводов и рекомендаций по квалификации преступлений с административной преюдицией, осуществляет поиск различий между административным и уголовно-правовым пониманием терминов «неоднократность» и «повторность» совершения преступлений и др.

В работе предложена авторская модель анализа составов с административной преюдицией с позиции оценки качества и полноты реализации в них основных функциональных характеристик рассматриваемого института, а именно: обеспеченности «мягкого» перехода от административной к уголовной ответственности, максимально полного учета общественной опасности повторного правонарушения и согласованности положений КоАП РФ и УК РФ.

Предложенная модель позволила сформулировать ряд теоретически и практически значимых выводов о перспективах применения норм с административной преюдицией. В частности, на основе обобщения судебной практики автор определяет период, в течение которого лицо может быть подвергнуто за совершение повторного правонарушения к уголовной ответственности, и соотносит свои выводы с положениями КоАП РФ, рассматривает термин «повторность» через понятие юридической неоднократности, проводит различия между множественностью и единым продолжаемым преступлением.

Рамки настоящего исследования определяются объектом исследования и ограничиваются общественными отношениями, возникающими в рамках реализации уголовной ответственности за неоднократное совершение правонарушения.

Обращение к недостаточно разработанной в теории уголовного права проблеме позволило предложить ряд практически значимых рекомендаций относительно применения норм с административной преюдицией. В частности, интерес для следственной и судебной практики могут представлять авторский подход к определению сроков зачета административного наказания в случае пересмотра и

(или) обжалования постановления по делу, оценка юридической неоднократности, алгоритм дифференциации единичных (продолжаемых) правонарушений и множественности деяний.

Об оригинальности работы свидетельствуют нестандартный подход к оценке междисциплинарных связей уголовного и административного законодательства, а также обоснованность и новизна сформулированных в работе выводов.

Ключевые слова: административная преюдиция, постановление по делу об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении, уголовная ответственность, преступление, неоднократность, повторность.

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS

Sidorenko Elina Leonidovna, Dr of Law, Associate Professor. Position: Professor. Place of employment: MGIMO University, Russia. Department: Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics chair. E-mail: 12011979@list.ru

Annotation: The Institute of administrative prejudice in terms of its compliance with the principles of criminal law and tendencies of development of modern jurisprudence.

Stating the purpose of the article a comprehensive assessment of the crimes with components of administrative prejudice, the author addresses theoretical and practical problems: characterizes its legal and technical models, studying the timing of bringing to administrative responsibility, evaluates criminological, legal and political feasibility of the introduction of the institution in the criminal Code, qualification of crimes with administrative prejudice, searches for differences between the administrative and the criminal sense of the term "repeatedly" and "repetition" of crime.

The paper presents the author's model of analysis of compounds with administrative prejudice to the position of assessing the quality and completeness of the implementation of these basic functional characteristics of the institution, namely the provision of a "soft" transition from administrative to criminal liability, the fullest possible account of the social danger of re-offending and the coherence of the provisions of the Administrative Code and the Criminal Code.

The proposed model has allowed to formulate a number of theoretically and practically meaningful conclusions about the prospects of application of administrative prejudice. In particular, on the basis of generalization of judicial practice the author defines the period during which a person may be for the commission of a second offense in the criminal liability, and correlate their findings with the provisions of the Administrative Code of the Russian Federation, considers the term "repetition" through the concept of legal repeatedly distinguish between multiple and the continued single crime.

The scope of this study are determined by the object of study and limited social relations arising in the framework of criminal liability for repeated offense.

Appeal to the insufficiently developed in the criminal problem of the theory of law has allowed to offer a number of important practical recommendations on application of administrative prejudice. Of particular interest for the investigative and judicial practice may be the author's approach to determining the timing offset an administrative penalty in the case of revision, and (or) appeal against the decision in the case, the legal assessment of the repeated algorithm differentiation unit (continue) the multiplicity of offenses and acts.

On the originality of the work suggests an unconventional approach to the assessment of interdisciplinary connections of criminal and administrative law, as well as the validity and originality of the conclusions formulated.

Keywords: *administrative prejudice, judgment in the case of an administrative offense, a protocol on administrative offense, criminal liability, crime, repeatedly.*

Серьезным основанием для возобновления дискуссии о том, находится ли российская уголовная политика в системном кризисе и можно ли считать криминологически обоснованными некоторые уголовно-правовые новеллы, является возрождение в УК РФ института административной преюдиции.

Сторонники возврата к этой модели не без оснований усматривают в ней возможность обеспечения гибкости правового воздействия на правонарушителя при одновременной реализации принципов неотвратимости и экономии уголовно-правовой репрессии. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «дальнейшая дифференциация уголовной ответственности, определение условий обоснованной индивидуализации применения мер наказания является основой тенденцией развития уголовно-правового регулирования в XXI столетии» [4, с. 58]. При этом в качестве оптимальных средств согласования административных и уголовно-правовых санкций авторы концепции называют расширение сферы административной преюдиции, внедрение в УК РФ поощрительных норм и «привязку» санкций к отраслевому законодательству.

Другие авторы в числе аргументов в пользу расширения сферы административной преюдиции указывают на потребность в разработке модели уголовного проступка, прообразом которого могут стать нормы преюдиционного характера [5, с. 580], необходимость сближения положений охранительного законодательства [7, с. 104] и повышение эффективности практического применения уголовного законодательства [1, с. 6].

Аргументы противников включения в УК РФ норм преюдиционного характера выглядят не менее аргументированными. Большинство из них сводится к утверждению, что административное правонарушение, сколько бы оно ни повторялось, не приобретает существенных признаков преступления [3, с. 3]. Доводами против введения административной преюдиции в уголовное право называются также нарушение принципа «*non bis in idem*»; чрезмерное расширение границ уголовно-правовой репрессии [8, с. 45] и др.

Контраргументы сторон достаточно подробно изложены на страницах юридической литературе и не нуждаются в дублировании. А если учесть тот факт, что в современном УК РФ расширения границ административной преюдиции приобрело характер устойчивого тренда, вопрос о существовании данного института в уголовном праве стремительно утрачивает свою остроту и актуальность. В настоящих условиях гораздо более важным является разработка научно-обоснованных рекомендаций по применению уже существующих норм с административной преюдицией.

В УК РФ содержится несколько составов преступлений с административной преюдицией: ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» (введена Федеральным законом от 21.07.2011 № 253-ФЗ); ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации и проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (введена Федеральным законом

от 21.07.2014 г. № 258 – ФЗ); ст. 215.4 «Незаконное проникновение на охраняемый объект» (введена Федеральным законом от 30.12.2015 № 441-ФЗ); ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (введена Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ), ст. 284.1 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности» (введена Федеральным законом от 23.05.2015 № 129-ФЗ) и ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничений» (введена Федеральным законом от 06.04.2011 № 66-ФЗ).

В отдельную группу следует выделить ст. 154 «Незаконное усыновление (удочерение)» и ст. 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», в которых преюдиция имеет неочевидную (скрытую) форму.

Ожидалось, что активное дополнение УК РФ нормами с преюдиционным элементом будет осуществляться в рамках единой модели наказуемости деяний. Но практика конструирования норм показала, что дополнение УК РФ новыми статьями имело стихийный характер и обуславливалось необходимостью решения отдельных тактических задач.

Очевидным свидетельством бессистемности внедрения в УК РФ института административной преюдиции является отсутствие сколько-нибудь согласованного подхода к юридико-технической конструкции норм: в одних составах условием наступления уголовной ответственности называется повторное совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию (ст. 151.1, ст. 215.4, ст. 264.1 и ст. 314.1 УК РФ), в других говорится о привлечении лица к административной ответственности (ст. 212.1), и, наконец, в третьих законодатель ограничивается указанием на неоднократность незаконных действий и не проводит различий между фактической и юридической повторностью правонарушений (ст. 154 и ст. 180 УК РФ).

Несмотря на то, что каждая из перечисленных выше норм содержит преюдиционный элемент, они существенно отличаются друг от друга по юридической конструкции. В одних составах условием наступления уголовной ответственности называется повторное совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию (ст. 151.1 и ст. 264.1 УК РФ). В других говорится о привлечении лица за совершение аналогичных деяний к административной ответственности (ст. 212.1). И, наконец, в третьих составах законодатель ограничивается указанием на неоднократность незаконных действий и не проводит различий между фактической и юридической повторностью правонарушений (ст. 154 и ст. 180 УК РФ).

Непоследовательность в нормативном оформлении преюдиционных норм (норм, содержащих элемент административной преюдиции) ставит перед юридической практикой ряд сложных проблем, одной из которых является определение времени, с которого начинается исчисление сроков привлечения к административной ответственности.

Непоследовательность в нормативном оформлении преюдиционных норм ставит перед практикой ряд сложных проблем, прямо или косвенно касающихся согласования положений уголовного и административного законодательства.

Одной из таких проблем является определение начального времени исчисления срока привлечения к административной ответственности.

В случае с преюдиционными нормами возникновению уголовно-правовых отношений ответственности предшествует развитие административных правоотношений, условно разделяемое на три этапа:

- совершение административного правоотношения и приобретение виновным статуса лица, подлежащего административной ответственности (ст. 4.6 КоАП РФ);

- административное преследование правонарушителя. Процессуально оно оформляется протоколом об административном правонарушении, а в отдельных случаях – постановлением прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении (ст. 28.4 КоАП РФ). С момента составления протокола виновный приобретает статус лица, привлекаемого к уголовной ответственности;

- статус привлеченного к административной ответственности возникает у виновного с момента вынесения постановления по делу об административном правонарушении. Вступление соответствующего постановления в силу является юридическим фактом для возникновения третьего этапа административных отношений - реализации административного наказания.

В случае административной преюдиции лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, если только оно привлечено к административной ответственности.

В соответствии со ст. 4.5 КоАП РФ, сроки привлечения к административной ответственности исчисляются с момента совершения административного правонарушения до вынесения постановления по делу. Из этого законоположения можно сделать вывод, что именно постановление по делу является юридическим фактом привлечения к административной ответственности.

Вопрос, однако, заключается в том, с какого времени начинает исчисляться этот срок: с момента вынесения постановления или его вступления в юридическую силу.

В судебной практике он не имеет однозначного решения.

Так, в одном из решений суд указал, что для установления повторности лицо на момент совершения правонарушения должно быть уже подвергнутым административному наказанию, постановление по делу должно быть вынесено и вступить в юридическую силу (Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27.05.2014 по делу №N А74-407/2014 // Правовая система «КонсультантПлюс»).

В другом постановлении суд отметил, что лицо считается привлеченным к административной ответственности независимо от того, вступили ли соответствующие постановления об этом на момент принятия решения в законную силу (Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.06.2015 по делу № 10-7485/2015 // Правовая система «КонсультантПлюс»).

Таким образом, в судебной практике момент привлечения лица к административной ответственности однозначно не определен. Он связывается либо со временем вынесения соответствующего постановления, либо с моментом вступления его в юридическую силу.

Последняя позиция имеет под собой все основания. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ, срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, исчисляется не со дня вынесения, а со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания. Как отмечено в ст. 31.1 КоАП, оно вступает в силу:

- 1) после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано;

- 2) после истечения срока, установленного для обжалования решения по жалобе, протесту, если указанное решение не было обжаловано или опротестовано, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление;

- 3) немедленно после вынесения не подлежащего обжалованию решения по жалобе, протесту, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление.

Если рассматривать сроки, отводимые на рассмотрение жалобы (ч. 1.1. ст. 30.5 КоАП РФ), на рассмотрение судьей протокола об административном правонарушении (ч. 1.1. ст. 29.6 КоАП РФ) и предшествующие этому сроки составления протокола и направления его на рассмотрение, получается, что решение до жалобы может приниматься по истечении общих сроков давности привлечения к административной ответственности.

А, принимая во внимание, что постановление по делу об административном правонарушении в случае его обжалования может вступить в силу только после вступления в силу решения по жалобе, становится очевидным, что лицо, фактически совершившее в течение установленного в статьях Особенной части УК РФ срока два и более административных правонарушения «не успевает» быть дважды привлеченным к административной ответственности. Это напрямую касается ст. 212.1 УК РФ, где условием наступления уголовной ответственности признается совершение лицом более двух административных правонарушений в течение 180 дней.

«Растягивание» процедуры административного производства и невозможность в ряде случаев «уложиться» в преюдиционные сроки вынуждает некоторых судей исказить смысл закона и переносить момент признания лица привлеченным к административной ответственности на время вынесения постановления по делу об административном правонарушении.

Фактическая данная позиция идет вразрез с современным пониманием юридической повторности, изложенным в Постановлении Пленума Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Фактически это постановление поставило точку в споре о том, какая - фактическая или юридическая – повторность влечет за собой уголовно-правовые последствия.

Закрепив необходимость юридической оценки ранее совершенного деяния в приговоре суда, высшая судебная инстанция не только установила правила применения положений ст. ст. 75 и 76 УК РФ, но и создала основу для юридической квалификации преступлений с преюдиционным элементом.

Трансформируя положения ч. 2 постановления на составы с административной преюдицией, можно предположить, что ранее совершенное администра-

тивное правонарушение должно учитываться судом только тогда, когда соответствующее постановление по делу вступило в юридическую силу. Именно с этого момента лицо считается привлеченным к административной ответственности.

Но если это так, есть ли смысл проводить ротацию составов с преюдиционным элементом в зависимости от условия наступления уголовной ответственности? В одних случаях считать таковым привлечение к административной ответственности, а в других – отбытие наказания, ведь и в одной, и во втором случае речь идет о юридическом факте перехода к третьему из выделенных ранее этапов административно – деликтных отношений? Полагаю, что нет.

Единственно возможным оправданием данного разделения может служить необходимость определения конечного срока для зачета ранее совершенного правонарушения.

Согласно ст. 4.6 КоАП РФ, лицо считается подвергнутым административному наказанию до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Анализ действующего законодательства позволяет предположить, то если в соответствующей статье УК РФ содержится ссылка на ранее привлечение лица к административной ответственности, в расчет сроков надлежит закладывать время, истекшее с момента вступления в силу постановления об административном правонарушении. Примером является ст. 212.1 УК РФ, где этот срок составляет 180 дней с момента вступления в силу первого из вынесенных постановлений по делу.

В тех же нормах, в которых указывается на период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, следует исходить из расчета одного года с момента отбытия наказания.

Данный подход полностью соответствует букве уголовного закона, но не его духу, поскольку нарушает принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ).

Фактически получается, что в зависимости от того, какую формулировку использует законодатель при определении преюдиционного начала, существенно изменяются сроки исчисления периода для привлечения лица, совершившего повторное правонарушение к уголовной ответственности.

Если в составах, содержащих указание на привлечение к административной ответственности, на исчисление сроков может повлиять изменение сроков вступления постановления в законную силу (ст. 31.1 КоАП РФ), то в случае указания на исполнение наказания во внимание должны быть приняты и отсрочка (рассрочка) исполнения постановления о назначении наказания (ст. 31.5 КоАП РФ), и приостановление исполнения постановления о назначении административного наказания (ст. 31.6 КоАП РФ), и прекращение исполнения постановления о назначении административного наказания (ст. 31.7 УК РФ). Каждое из перечисленных оснований может существенно изменить расчет срока, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение повторного правонарушения, что напрямую противоречит принципу равной ответственности.

Этот вывод кажется еще более очевидным, если принять во внимание, что предупредительный эффект административной преюдиции заключается в повышенной ответственности лица, который после первого правонарушения вскоре совершает второе. В случае

же современного юридико-технического оформления преюдиционных норм УК РФ между первым и вторым правонарушениями может пройти достаточно много времени.

Сомнение в целесообразности формировок порождает и тот факт, что в ст. 20.17 КоАП РФ «Нарушение пропускного режима охраняемого объекта» предусмотрены альтернативные и дополнительные виды наказаний: штраф и административный арест с конфискацией орудия совершения административного правонарушения.

А с учетом того, что каждый из перечисленных видов наказания исполняется в особом порядке и в специально определенные сроки, возникает ситуация, когда для лиц, совершивших аналогичные правонарушения, исчисление сроков привлечения в уголовной ответственности за повторное совершение правонарушения будет дифференцировано в зависимости от того, какое административное наказание им было назначено.

Например, если А за первое правонарушение понес наказание в виде административного ареста (ст. 32.8 КоАП), он может быть привлечен к уголовной ответственности в течение 1 года и 15 суток с момента вынесения судом постановления по делу.

Если же В, совершившему аналогичное правонарушение, был назначен штраф, то в соответствии со ст. 32.2 КоАП РФ, срок, в). А следовательно, по сравнению с А, срок, в течение которого В может быть подвергнут уголовной ответственности за повторное совершение правонарушения, больше минимум на 45 дней.

Не менее сложным является вопрос и о сроке, в течение которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение повторного правонарушения. Влияет ли на определение данного срока исполнение дополнительного наказания?

Ввиду отсутствия в КоАП РФ специальных указаний на данный счет, думается, что да. Но если это так, ротация в преюдиционных сроках может быть еще более значительной, если принять во внимание, что в ст. 12.8 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения» лишение права управления транспортным средством устанавливается на срок от полутора до двух лет.

Кроме того, неясно, как следует исчислять сроки в составах ст. 154 и ст. 180 УК РФ, где указывается на неоднократное совершение правонарушений без ссылки на нормы КоАП РФ.

Буквальное толкование норм позволяет говорить об отсутствии в них преюдиционного компонента. По утверждению И.А. Головининой, «для привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, не требуется постановления об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.10 КоАП РФ.

Таким образом, сам факт незаконного использования товарного знака рассматривается не как правонарушение, а как часть продолжаемого единичного преступления, состоящего из нескольких актов незаконного использования товарного знака» [2, с. 15]. С этим мнением, пожалуй, можно было бы согласиться, если бы в КоАП РФ не была предусмотрена ст. 14.10, практически полностью повторяющая диспозицию ст. 180 УК РФ.

В связи с тождеством юридических признаков административно и уголовно наказуемых деяний, возникает ряд закономерных вопросов.

Если один из этапов единого продолжаемого преступления содержит к себе законченный состав административного правонарушения, стоит ли говорить об отсутствии административной преюдиции?

Будет ли признаваться законным приговор, вынесенный на основании оценки ранее совершенных лицом административных проступков, не получивших соответствующей юридической оценки в виде вступившего в силу постановления по делу об административном правонарушении? На эти вопросы может быть дан только отрицательный ответ.

Если же исходить от обратного и связывать уголовную противоправность с совершением лицом деяний, ни за одно из которых оно не было привлечено к административной ответственности, придется существенно расширить границы уголовно-правового воздействия и квалифицировать по ст. 180 УК РФ любые однородные действия, направленные на одинаковые объекты (например, незаконное нанесение маркировки на несколько маек, печатную продукцию, технику и др.).

Аналогичным образом необходимо будет квалифицировать и продажу, иное введение в гражданский оборот, хранение и перевозку одного и того же товара, для индивидуализации которого используется чужой товарный знак или обозначение, сходное с зарегистрированным товарным знаком.

Но в судебной практике данные действия рассматриваются как элементы продолжаемого административного правонарушения и не требуют квалификации по ст. 180 УК РФ (Решение Арбитражного суда Свердловской области от 01.04.2015 по делу № А60-55058/2014 // Правовая система «КонсультантПлюс»).

Исходя из духа закона, логично предположить, что совершение различных по характеру действий, направленных на причинение вреда одному и тому же объекту интеллектуальных прав образует единое продолжаемое правонарушение и квалифицируется по ст. 14.10 КоАП РФ.

Если следовать данной логике, закономерным представляется следующий вывод: квалификация деяния по ст. 180 УК РФ возможна в случаях, когда лицо совершило второе однородное правонарушение в течение года с момента исполнения постановления о назначении административного наказания. В этом случае исключается оценка деяния как продолжаемого правонарушения и в то же время соблюдается требование учета юридической повторности при определении границ наказуемости деяния.

Вызывает возражение и характер построения ряда составов с преюдиционным компонентом.

В частности, дискуссионной по содержанию является ст. 215.4 УК РФ «Незаконное проникновение на охраняемый объект». Согласно ч. 1 данной нормы, уголовно наказуемым является незаконное проникновение на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране, совершенное неоднократно.

Характерно то, что в числе квалифицирующих признаков, в статье названо совершение того же деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 2) и его сопряженность с умышленным созданием угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну (п. «б» ч.

2). Неясно, однако, что разработчики закона понимают в ч. 2 анализируемой статьи под словосочетанием «то же деяние». Идет ли речь о ст. 20.17 КоАП «Нарушение пропускного режима охраняемого объекта» или о части 1 ст. 215.4 УК РФ.

Если исходить из правил построения уголовно-правовых норм, вывод очевиден: ответственность за нарушение пропускного режима, совершенное группой лиц либо сопряженное с угрозы разглашения государственной тайны, предполагает неоднократность, т.е. ранее привлечение лица или группы лиц к административной ответственности, но этот факт установить практически невозможно.

Обращает на себя внимание и содержание ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию». В отличие от общего правила, согласно которому административная преюдиция имеет место тогда, когда лицо совершает аналогичное преступление в указанные законом сроки, в данной норме повторность устанавливается на основе констатации одного из следующих альтернативных условий:

- прежнее привлечение лица к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения;
- прежнее привлечение лица к административной ответственности за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Второе из названных условий вызывает вполне обоснованные возражения со стороны ученых и практиков, ибо ставит наступление уголовной ответственности в зависимость от события, имеющего весьма опосредованное отношение к тому, что лицо в настоящий момент управляет транспортным средством в состоянии опьянения. Фактически закон обязывает правоприменителя предполагать, что лицо, уклонившееся от освидетельствования, находилось в состоянии опьянения, но это предположение не имеет под собой доказательственной базы и потому не должно приниматься во внимание при оценке злостности нарушения правил дорожного движения в ст. 264.1 УК РФ.

О невысоком юридико-техническом качестве анализируемой нормы говорит расхождение ее названия и содержания. В названии статьи говорится о нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, а в содержании одним из условий уголовной противоправности названо наличие у лица судимости, что никак не вяжется с понятием административной ответственности.

Список литературы:

1. Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6 – 9.
2. Головизнина И.А. Проблема двусмысленности термина «неоднократность», содержащегося в ст. 180 УК РФ, и пути ее преодоления // Российский следователь. 2006. № 11. С. 15 – 17.
3. Зуев В.Л. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией. М., 1995.
4. Концепция развития российского законодательства / Отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.:

ИЗиСП при Правительстве РФ, ИД «Юриспруденция», 2014.

5. Лапина М.А. Оптимальные приемы юридической техники, обеспечивающие согласование системы юридических санкций административно - деликтного и уголовного законодательства // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 575 – 581.

6. Сидоренко Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал Российского права. 2011. С. 77 – 84.

7. Устинова Т.Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2—3. № 5. С. 103 - 105.

8. Шемякин Д.В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45 – 47.